

«ВЯЧЕСЛАВ Невинный — актер с огромными, на мой взгляд, возможностями, — говорит народный артист РСФСР Евгений Евстигнеев. — И эти возможности, несмотря на довольно пестрый репертуар в театре, кино, на телевидении, далеко не полностью раскрыты. Интересен Невинный тем, что неожиданно в какой-то роли, о которой уже сложилось у театралов определенное представление, вдруг видишь затаенную в актере возможность сыграть совершенно иной характер, иную судьбу, вообще иную тему. Доказательство тому — Чичиков, о котором (в исполнении Невинного) нельзя судить однозначно. Особенно в финальных сценах он по-настоящему трагичен».

Вот театральные роли Невинного: Чичиков и Хлестаков, Градобоев из «Горячего сердца», Мизинчиков в «Селе Степанчикове и его обитателях», крупные роли в спектаклях МХАТа последних лет — «Старый Новый год», «Заседание парткома», «Утиная охота», «Обратная связь»...

Актер снимался в фильмах таких известных режиссеров, как Ростокский, Рязанов, Гайдай, Карелов, играл в крупных телевизионных постановках. Плюс постоянная работа на радио — в литературных, сатирических, детских передачах...

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ВЯЧЕСЛАВ НЕВИННЫЙ

Его узнали и полюбили миллионы. Актер Московского Художественного театра, народный артист РСФСР Вячеслав Михайлович Невинный вот уже 20 лет служит своему любимому делу.

— Вячеслав Михайлович, как и когда вы решили стать актером?

— Такого момента не было. Сколько себя помню, всегда знал, что стану актером. Почему, откуда — не ведаю. Влияния близких — никакого. Отец работал на Тульском оружейном заводе, мама — на железной дороге. Я же, как только появлялся среди людей, в гости, всегда начинал «играть». Выступал на различных смотрах самодеятельности, получал грамоты... И не скрывал от родителей, что собираюсь стать актером.

— Родители не возражали?

— Нисколько. Когда был мальчишкой, были даже довольны: есть увлечение, занят, не «на улице»... Позже тоже не возражали. В особом восторге от моего выбора, правда, не были, но считали: главное — не в названии избранной профессии, а в том, чтобы отнестись к профессии серьезно.

— Однажды вы назвали себя человеком счастливой судьбы...

— Я и сейчас не стал бы отказываться от этих слов. Занимаюсь любимым делом, служу в родном театре, от сезона к сезону работы становится все больше и больше...

— И что же, в вашей творческой судьбе никаких преодолений?

— Каждый раз — преодоление! Каждая роль — экзамен. И не простой. Всякий раз — преследующее тебя «быть или не быть?» В актерской судьбе часто возникают и еще одна трудность — предлагают роль, а тебе следует отказаться от нее. Роль большая, интересная, но... сродни той, что уже была. Отказаться — это тоже преодоление. И, уверяю вас, нелегкое.

— Конечно, это прекрасно, когда у актера много работы, нет ни дня простоя. Но ведь нужно порой и оглянуться на прожитое, сыгранное, осмыслить, оценить его? Может быть, нужна актеру пауза?

— Признаться, я об этом как-то не думал. С одной стороны, постоянная занятость, тренинг, поиск — это хорошо. С другой — действительно, может оказаться так, что сыгранное на сцене, в кино, на телевидении за многие годы наслаивается, нагромождается в памяти настолько, что наступает период, когда уже невозможно все это осмыслить. И все же думаю, что специальной паузы для этого осмысления не надо. Если какая-то роль стала значительным событием в твоей творческой жизни, внесла какой-то новый, неповторимый нюанс, то осмысление этого происходит, мне кажется, помимо твоей воли. Да и не так уж часто случаются роли, от прикосновения к которым замирает сердце. Едва ли кому-либо из моих коллег угрожает

запутаться в периодах своего становления. Тут впору привести строчки Пастернака: «Другие по живому следу пройдут твой путь за пядью пядь, но поражение от победы ты сам не должен отличать».

Работа без «простоя» рождает другую, на мой взгляд, очень важную проблему. У спортсменов есть такое выражение — «не успел восстановиться». А мы, актеры, устаем не только физически — главным «инструментом» нашей работы является психофизическая система. Так вот, уметь восстановить силы — это очень важно для нашего брата. Это, если хотите, входит в понятие «профессионализм».

— Влияют ли на вас как на человека созданные вами образы?

— Конечно, влияют, даже если бы я этого не хотел. Сколько времени постигаю характер человека, думаю о нем, играю долгое время... Это влияние происходит невольно и естественно.

— А если созданный вами персонаж, мягко выражаясь, далек от идеала человеческой личности?

— Ах, вот вы к чему! Нет, такого влияния не происходит. И не может произойти. Все дело в том, что я в каждом случае не просто играю кого-то, а рассказываю о

нем. И мне совершенно не надо, чтобы зритель сказал о моем так называемом отрицательном герое: «Ах, какой он плохой». Мне важно, чтобы зритель задумался над тем, почему он таким стал, что с ним случилось? Рассказывая о человеке, просто невозможно стать им. В сценическом воплощении любого характера всегда присутствует актер, его контроль над образом. Театр — всегда искусство. Игра. Ведь в чем феномен театра? Все знают, что это неправда, но верят, принимают за правду.

— Как вы относитесь к термину «амплуа актера»?

— Для меня неизблемым остается одно понятие — «индивидуальность». Если бы термин «амплуа» продолжал царствовать в театре и кино, то я — простак, всего лишь «рубаха-парень»... Рад, что амплуа уходит из театра в кино. Это конкретный и, если хотите, навязанный актеру потолок. Потолок творческих возможностей, конечно же, существует, но когда говорят об индивидуальности актера, этот потолок «выше»: есть возможность эксперимента. И тут режиссер может — если захочет — помочь актеру лучше «обнаружить», познать себя.

— Во МХАТе играет и ваша жена, народная артистка РСФСР Нина Гуляева. Это помогает или мешает вам?

— Только помогает. Мы исповедуем одну художественную школу, одну веру, единые нравственные, эстетические принципы. Это защищает нас и от конфликтов в жизни, в быту.

— Много лет вы работаете «на детей». Миллионы малышей-радиослушателей знают вас как «дядю Славу»...

— Я вообще очень люблю работать на радио. Работать же в детских передачах — особая радость. И — хорошая школа для любого актера. Дети — потрясающе чуткий народ, они потенциально улавливают неправду в настроении, интонации. Партнеры они удивительные! Недаром говорят: если будешь работать «на уровне» ребенка, никто не поймет, что ты артист.

— А у вас есть дети?

— Сын. Слава. Ему 14 лет.

— Не собирается стать актером?

— Не знаю. Ребенок растет в театральной семье, проявляет какой-то интерес к театру, но это еще ни о чем не говорит. Поживем — увидим.

— И последний вопрос: ваши сегодняшние заботы и планы?

— В театре недавно состоялась премьера «Чайки» — играю Шамраева. Режиссеры О. Ефремов и Н. Ардашников начинают снимать фильм «Старый Новый год» по пьесе Михаила Рождина. Как и в одноименном спектакле нашего театра, буду играть Себекина.

Беседу вел Л. Днепровский.